

изведения художественной литературы сквозь призму своего собственного литературного опыта, лирический характер его доверительных оценок, адресованных ближайшим друзьям и не предназначенных для печати, позволяют отнести его литературно-критические высказывания к писательской критике. Отметим, что именно в 1830-е годы формировалась русская профессиональная критика, ярким представителем которой стал В.Г. Белинский.

Письма Станкевича, содержащие его литературные суждения, отразили литературно-эстетические взгляды как самого Станкевича, так и членов его кружка, а также имевшие место в этом кружке дискуссии по проблемам литературы. По словам А.Н. Пыпина, понятия кружка Станкевича уже тогда стали выше романтического эклектизма Н.А. Полевого и выше теоретических понятий пушкинского круга – а это были главные силы тогдашней (1834 – 1836) журналистики, с которыми можно было бы их сравнивать. Понятия кружка уже тем составляли силу, что были сознательной и цельной теорией; она была выше ходячих мнений, потому что в ней был

метод и возможность дальнейшего развития.

Характерными чертами Станкевича-критика являются максимализм и высокие нравственные требования к произведениям художественной литературы и, соответственно, к литературным деятелям. К особенностям его литературно-критических высказываний можно отнести их повышенную эмоциональность, субъективность и пристрастность. К этому следует добавить, что письма Станкевича, содержащие его литературно-критические высказывания, характеризуются полемической настроенностью, а также разным метафорическим языком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненков П.В. Биография Николая Владимировича Станкевича / П.В. Анненков // Станкевич Н.В. Переписка его и биография, написанная П.В. Анненковым. – М.: Типогр. Каткова и К^о, 1857. – С. 1 – 237.

2. Станкевич Н.В. Переписка: 1830 – 1840-е годы / Н.В. Станкевич; [Ред. и изд. А.И. Станкевича]. – М.: Типогр. тов-ва А.И. Мамонтова, 1914. – 787 с.

УДК 821.161.1-3(471)"190/191":7.036.45:128Брюсов

Л.В. Гармаш

ГНОСТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ В.Я. БРЮСОВА «АЛТАРЬ ПОБЕДЫ»: ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Л.В. ГАРМАШ. ГНОСТИЧНІ МОТИВИ В РОМАНІ В.Я. БРЮСОВА «ВІВТАР ПЕРЕМОГИ»: ТАНАТОЛОГІЧНИЙ АСПЕКТ.

Стаття присвячена аналізу взаємодії гностичних і танатологічних мотивів у романі Брюсова «Віттар Перемоги». Розкриваються джерела інтересу до гностицизму представників Срібного століття російської культури. Обґрунтовується думка, що гностичне вчення було тісно пов'язано з масонством XVIII століття. Ідеї гностиків знайшли відгук у творчості російських поетів і письменників – М.М. Хераскова, А.М. Майкова, М.В. Гоголя, Л.М. Толстого, Ф.М. Достоевського. Особлива роль у популяризації гностицизму належить В.С. Соловійову. Гностична софіологія і космогонія визначила особливості світогляду таких російських символістів, як Ф. Сологуб, З. Гіппіус, В. Брюсов, Д. Мережковський, А. Бєлий, О. Блок та ін. Аналізуються джерела відомостей про офітів, якими міг користуватися В. Брюсов під час створення роману. Дається характеристика основних гностичних категорій, до яких звертається письменник у романі – Деміурга, Софії, Христа, змія. Світ в уявленнях гностиків є творінням злого Деміурга, а зусилля офітів спрямовані на звільнення від пут матерії і возз'єднання з вищим божеством. Розкриваються засоби втілення гностичного міфу в літературному творі. Танатологічні мотиви сконцентровані навколо фігури Реї, яка очолювала одну з гностичних сект, що існували в Римі наприкінці IV століття, і разом з офітами повстала проти римського імператора. У романі показана неминучість зміни одного культурно-історичного етапу іншим, проводиться паралель між трагічним завершенням античної історії та російською дійсністю початку XX століття.

Ключові слова: офіти, гностицизм, танатологічний мотив, християнство.

© Л.В. Гармаш, 2014

Л.В. ГАРМАШ. ГНОСТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ В.Я. БРЮСОВА «АЛТАРЬ ПОБЕДЫ»: ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.

Статья посвящена анализу взаимодействия гностических и танатологических мотивов в романе Брюсова «Алтарь Победы». Раскрываются источники интереса к гностицизму представителей Серебряного века русской культуры. Обосновывается мысль, что гностическое учение было тесно связано с масонством XVIII века. Идеи гностиков нашли отклик в творчестве русских поэтов и писателей – М.М. Хераскова, А.Н. Майкова, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского. Особая роль в популяризации гностицизма принадлежит В.С. Соловьёву. Гностическая софиология и космогония определила особенности мировоззрения таких русских символистов, как Ф. Сологуб, З. Гиппиус, В. Брюсов, Д. Мережковский, А. Белый, А. Блок и др. Анализируются источники сведений об офитах, которые мог использовать В. Брюсов во время создания романа. Дается характеристика основных гностических категорий, к которым обращается писатель в романе – Демидурга, Софии, Христа, змея. Мир в представлениях гностиков является творением злого Демидурга, а усилия офитов направлены на освобождение от пут материи и воссоединение с высшим божеством. Раскрываются средства воплощения гностического мифа в литературном произведении. Танатологические мотивы сконцентрированы вокруг фигуры Реи, возглавлявшей одну из существовавших в Риме в конце IV века гностических сект и вместе с офитами восставшей против римского императора. В романе показана неизбежность смены одного культурно-исторического этапа другим, проводится параллель между трагическим завершением античной истории и русской действительностью начала XX века.

Ключевые слова: офиты, гностицизм, танатологический мотив, христианство.

L.V. GARMASH. Gnostic motifs in the Valery Bryusov's novel «The Altar of Victory»: Thanatological aspect.

The article is devoted to the analysis of interaction gnostic and thanatological motifs in the Bryusov's novel «The Altar of Victory». The sources of interest in Gnosticism among the representatives of the Silver age of Russian culture are revealed. The idea that the Gnostic doctrine was closely linked to the masonry of XVIII century is substantiated. Gnostic ideas were reflected in the works of Russian poets and writers – M. Kheraskov, A. Maykov, N. Gogol, L. Tolstoy, F. Dostoyevsky. A special role in the popularization of Gnosticism belongs to Vladimir Solovyov. Gnostic sophiology and cosmogony defined the worldview of such Russian symbolists, as F. Sologub, Z. Gippius, V. Bryusov, D. Merezhkovsky, A. Bely, A. Blok and others. The sources of information about ophites that could use V. Bryusov during the creation of the novel are analyzed. The main Gnostic categories used by the writer of the novel - the Demiurge, Sophia, Christ, the serpent – are characterized. The Gnostics believed that the universe was created by the evil Demiurge, and ophite's efforts aimed at liberation from the fetters of the physical world and reunification with the Highest Deity. Means of the incarnation of the Gnostic myth in literature are disclosed. Thanatological motifs are concentrated around the figure of Rea, who headed one of the gnostic sects that existed in Rome at the end of the IV century and rebelled against the Roman Emperor. The inevitability of change of one cultural-historical stage with another is showed in the novel. A parallel between the tragic conclusion of ancient history and Russian validity of the beginning of XX century is drawn by the author.

Key words: ophites, Gnosticism, thanatological motif, Christianity.

А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и веры,
Уносим зажженные светы
Во тьму, в катакомбы, в пещеры.
В.Брюсов

Интерес к истории Древнего Рима, особенно IV века нашей эры, сопровождал Брюсова на протяжении практически всей его сознательной жизни. Начало было положено в статьях о жизни и творчестве древнеримских поэтов IV в. – Пентадия и Авсония. Много времени Брюсов посвятил переводам из этих и других, менее известных древнеримских поэтов, намеревался создать книгу очерков о латинских писателях «Золотой Рим»: «В

дальнейшем плане работ по IV веку В. Я. предполагал составить большую книгу о латинских писателях того времени, под заглавием «Aurea Roma», но это осталось неисполненным» [2, с. 360].

Воплощению античной темы в прозе В. Брюсова посвящены труды таких ученых, как Н. Ашукин, Р. Щербаков, Л. Чмыхов, С. Абрамович, Э. Литвин, М. Гаспаров, И. Поступальский, Н. Хачатрян и др. В нашей

работе мы хотели бы остановиться на проблеме, которой в литературоведении не уделялось достаточно внимания, – гностических мотивах в творчестве Брюсова.

Как отмечают исследователи, Брюсов видел в античной истории ключ к пониманию современности, так как считал, что события прошлого были во многом аналогичны процессам, происходившим в России в первые десятилетия XX века. Гибель великой античной культуры сопровождалась распространением христианского мировоззрения, формировавшегося не только как антитеза язычеству, но и ставшего в определенном смысле наследником традиций своего предшественника. Столкновение христианства с процветавшими в то время многочисленными гностическими сектами, наряду с эсхатологическими предчувствиями наступления конца света, действительно в немалой степени напоминало события российской истории рубежа XIX-XX веков. В обществе с нарастающей остротой происходили невиданные до тех пор кардинальные изменения, сопровождавшиеся тревожным ощущением *fin de siècle* и напряженными поисками новых путей дальнейшего культурно-исторического развития. Кардинальная перестройка сознания, по мнению Брюсова, часто влечет за собой отказ от величайших достижений прошлого и даже приводит к варварскому уничтожению духовных и материальных ценностей прошлого, но поэт был убежден в необходимости принятия грядущих перемен, несмотря на связанные с ними трагические потери.

Интерес к гностическому философско-религиозному течению, возникшему, возможно, еще до христианства и черпавшему материал для своих космогонических построений из различных источников (египетских, вавилонских, древнегреческих эзотерических учений, иудаизма, христианства и др.), никогда не угасал, а «созданные античными гностиками мыслительные конструкции оказались чрезвычайно плодотворными, применимыми в совершенно иных исторических условиях» [12, с. 84].

Основу гностицизма составляет дуалистическое мировоззрение, для которого характерно противопоставление высшего божественного мира, «сокровенной и непознаваемой сущности первоначала, проявляющего себя в эманациях – зонах» [16], и греховной материи, что напрямую соотносилось с двоемирием символистов. Творцом земного мира признавался Демиург (Ялдаваоф), которого некоторые гностики отождествляли с ветхозаветным Ягве. Посвящая свои трактаты борьбе с хаосом материи, они видели основную задачу человека в освобождении от власти соз-

давшего земной мир Демиурга путем философского познания. Для этого высшее божество направляет к людям своих посланцев. В секте офитов (от *ὄφις* — змея) таким посланцем становится один из эонов – София, которая является перед Адамом и Евой в виде библейского змея. Вкушение первыми людьми плодов с дерева познания, признаваемое в христианстве первородным грехом, у гностиков, напротив, расценивается положительно, так как становится первым шагом на пути спасения человека и залогом его воссоединения с истинным Богом.

В статье, написанной для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, Вл. Соловьев высказал предположение, что офиты унаследовали традиционные мистерии древнейшего фаллического культа змеи, который был «особенно распространен в Египте в связи с древним почитанием того божественного змея, которого греки называли "благим богом"» [20, с. 485]. В словаре основательницы Теософского общества Е.П. Блаватской символика змея трактуется несколько по-другому. Здесь змеей представляет собой «принцип Христос'а (т.е. божественную перевоплощающуюся Монаду, а не Иисуса-человека)», его позаимствовали у египтян и «почитали как символ мудрости, Софии», а в Ветхом Завете он фигурирует как медный змий Моисея [3]. В литературе описан целый ряд гностических сект, близких офитам – барбелоты, наассены, ператы, сефиане [14; 23].

Гностическая традиция уходит своими корнями в эпоху Просвещения, когда в России, по примеру Западной Европы, начинают появляться масонские ложи, а «торжество гуманистической доктрины сопровождается неслыханным расцветом оккультизма» и спиритизма [1, с. 47]. Масонство XVIII века и близкое к нему розенкрейцерство, по убеждению некоторых ученых, было «связано с возрождением гностической традиции» [24]. Испытывая неудовлетворенность церковным учением, в ряды «вольных каменщиков» вступали наиболее известные представители эпохи Просвещения. К ним принято относить Н.И. Трубецкого, А.М. Кутузова, Н.И. Новикова, которые в своих трудах разрабатывали такие масонско-гностические понятия, как «самосовершенствование», «истина», «знание» и др. В творчестве Новикова и Хераскова был заложен прочный фундамент всего последующего развития литературной мысли XIX века, в особенности таких значительных фигур русской культуры, как Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский и В.С. Соловьев.

В работе одного из исследователей, посвященной преломлению мировоззренческой парадигмы гностицизма на русской почве, подчеркивается, что «исконный гностический антропоцентризм обретает у Достоевского свое логическое завершение: начало человеческой личности становится самым главным определением бытия как такового» [13, с. 97]. Творчество человека в рамках антропологической модели развития мироздания выступает как необходимое условие, способствующее освобождению мира от косной материи и тем самым приближающее человечество к заветной цели – единению с божеством.

Известно, что взгляды Ф.М. Достоевского на противоречие добра и зла как основную онтологическую проблему, на отношения человека с Богом, на место и роль человека в мировой истории были усвоены его другом и почитателем его художественного дара В. Соловьевым, гностические интуиции которого во многом определили дальнейшее развитие философско-религиозных и художественных исканий представителей Серебряного века. Понимание Соловьевым человека как единственно возможного орудия, с помощью которого только и возможно преобразование земного бытия, искоренение его греховности и несовершенства, воплотившееся в учении о Богочеловечестве, носит, по мнению И. Евлампиева, «безусловно гностический характер» [13, с. 97].

Центральным образом, венчающим философскую систему Соловьева, становится Вечная Женственность, София, Премудрость Божия. Разумеется, его софиология не сводится исключительно к гностицизму. Она представляет собой «сложный синтез православного почитания Христа как воплощенной Божественной Премудрости, европейских мистических учений, каббалы, романтизма, немецкой философии и других учений» [15, с. 142]. Парадоксально, но именно гностический элемент является, пожалуй, наиболее явным и в то же время довольно сильно зашифрованным в трудах философа. Тем не менее в них прослеживается связь с теми гностическими учениями, приверженцы которых отождествляли Софию со змеей, как это было характерно для наасенов или офитов. Анализируя французскую рукопись Владимира Соловьева «София», А.П. Козырев отмечает такую существенную деталь, как ясно различимую надпись «змея» под словом «София» [15, с. 142]. Почему появилась такая надпись, становится ясно после знакомства со статьей философа об офитах в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, в которой говорится, что в этой гностической секте верили, буд-

то бы София покинула горный мир в образе змеи, «чтобы сообщить истинное знание первым людям, которых ограниченный Димиург хотел держать в детском неведении» [20, с. 485].

На рубеже XIX – XX веков в России активизировался интерес к различным мистическим религиозно-философским системам, который объяснялся, с одной стороны, кризисом христианства и попытками его обновления, а с другой – стремлением найти достойную альтернативу официальной религиозной системе. Учение гностиков привлекало многих представителей культуры Серебряного века, особенно декадентов и символистов. Об одержимости Д.С. Мережковского «всеуничтожающим духом» Ариманом, олицетворяющим силы зла в зороастризме, упоминает З. Гиппиус [9, с. 60]. Брюсов в определенный момент своей жизни всерьез играл роль скандинавского божества Локи (эта жизнетворческая коллизия, возникшая в отношениях Брюсова и Андрея Белого и превратившаяся в метафизическую дуэль между скандинавскими божествами Локки и Бальдром, рассмотрена в статье С. Гречишкина и А. Лаврова [10, с. 48-49]).

Общим местом стало уже в науке указание на особое влияние теоретических построений Вл. Соловьева на символистов. С особой силой отразилась на творчестве младосимволистов (С. Соловьева, А. Блока, А. Белого) соловьевская софиология, а гностическая космогония во многом определила мировоззренческие и художественные установки старших символистов – Ф. Сологуба, К. Бальмонта, З. Гиппиус и В. Брюсова.

По мнению А. Ханзена-Леве, для поэтов-символистов 1890-х годов «мир с точки зрения диаволизма является творением или артефактом демиурга, негативность и онтологическое не-бытие которого противостоят позитивной вездесущности бога-творца» [26, с. 59]. Убежденность в том, что творцом мира является злой Демиург, приводит их к богоборческим мотивам, к попыткам преодолеть косность темного материального хаоса энергией творчества.

Анализируя поэзию Вл. Соловьева, Брюсов отмечал, что мирозерцание великого русского философа зиждется на «глубоком, безнадежном дуализме» между двумя мирами – времени и Вечности [7, с. 221]. Брюсову как символисту это представление чрезвычайно близко и понятно: «Первый есть мир Зла, второй – мир Добра. Найти выход из мира Времени в мир Вечности – такова задача, стоящая перед каждым человеком. Победить время, чтобы все стало Вечностью, –

такова последняя цель космического процесса» [7, с. 221].

Роман Брюсова «Алтарь Победы», события которого разворачиваются в древнеримской империи IV века, печатался на протяжении 1911-1912 годов в журнале «Русская мысль». В одной из критических статей, опубликованной после выхода романа в свет, было отмечено, что эпизоды, посвященные одной из гностических сект – офитов, – занимают в произведении значительное место: «Во второй части «Алтаря Победы» автор несколько ослабил драматизм действия, может быть, иногда излишними подробностями о секте змеепоклонников (офитов), с которыми столкнулся герой. Антикварная сторона, правда, рассмотренная очень тщательно, включая и коммунистический образ жизни сектантов, отчасти одержала здесь верх над художественной» [18, с. 189].

Неоценимым подарком для исследователя брюсовского творчества стал довольно обширный список использованной во время создания «Алтаря Победы» научной и популярной литературы об античности, опубликованный в примечаниях к роману. Однако, по мнению М. Гаспарова, «главных пособий у Брюсова было не больше десятка», и в этот перечень вошли прежде всего труды по истории Римской империи и только две книги, посвященные истории борьбы религиозных систем – «Церковь и Римская империя» А. де Брольи и «Падение язычества» Г. Буассье [9 с. 548]. В примечаниях Брюсов отметил, что пользовался также словарем Брокгауза и Ефрона, в котором, как мы уже упоминали выше, содержались статьи Соловьева о гностицизме и офитах. Но когда пытаешься в списке Брюсова обнаружить литературу об офитах, то находишь только книгу Э. Ренана «Марк Аврелий и конец античного мира» (где в восьмой главе весьма иронически и с большим скепсисом характеризуется эта гностическая секта), а также четырехтомник Ф.Ф. Зелинского «Из жизни идей», в третьем томе которого есть статьи о Гермесе Трижды-Величайшем и гностиках. Рискнем предположить, что круг литературы о гностиках, в том числе и об офитах, доступной Брюсову, был шире, чем указано в его перечне. Кроме трудов Вл. Соловьева, включая его последний трактат «Три разговора», источником сведений о гностических сектах могли послужить широко известные работы Е.П. Блаватской, изданные еще в конце XIX ст., второй том «Лекций по истории Древней Церкви» В.В. Болотова, вышедший из печати в 1910 году. Весьма вероятно, Брюсову были известны «Пять книг против ересей» Ириния Лионского, которые были опубликованы в русском

переводе уже в 1868 году и затем несколько раз переиздавались. Еще с одним вариантом доктрины офитов можно было познакомиться в «Опровержении всех ересей» Ипполита Римского, переведенном прот. П. Преображенским и публиковавшемся в «Православном обозрении» в 1871-1876 гг., а на труды Епифания Кипрского (годы издания 1863-1886) ссылается Вл. Соловьев в словарной статье.

Соглашаясь с М. Гаспаровым в том, что общим композиционным принципом романа является зеркальность или симметрия, уточним, что он не стал абсолютным, так как в романе действуют несколько враждебных сил. Во-первых, это язычество, во-вторых, христианство и, в-третьих, многочисленные гностические течения, которые по некоторым позициям близки христианству, но имеют также ряд существенных отличий, не позволяющих рассматривать их как единое религиозно-философское явление. Ученый обращает внимание на то, что в «Алтаре Победы» смерть выступает в качестве одной из ключевых категорий, служащей для демонстрации мировоззренческих оснований того или иного вероучения: «после наглядного противопоставления старой и новой культуры в их отношении к смерти (с одной стороны – самоубийство Ремигия и убийство раба заговорщиками, с другой стороны – самоубийство Меробавда и гибель фанатиков-христиан» [9, с. 549]. Однако в свете вышесказанного под "фанатиками-христианами" надо понимать отнюдь не христиан, а гностиков.

Главный герой романа «Алтарь Победы», Децим Юний Норбан, оказывается вовлеченным в борьбу между приверженцами древних римских традиций с нарождающимся христианством, в свою очередь вынужденным отстаивать свои догматы от нападков множества гностических сект. Юний становится невольным пособником заговора против императора-христианина Грациана (подробности исторической подоплеки сюжета брюсовского романа достаточно подробно изложены в работах М. Гаспарова и Н. Хачатрян [9; 27]). В романе Грациана пытаются свергнуть не только ревнители древнеримских языческих культов, но и объединившиеся для борьбы с ним две гностические секты. Во главе одной из них стояла девушка по имени Реа, уверенная в своем пророческом даре и убежденная в скором приходе Мессии. Членами второй секты были змеепоклонники-офиты.

Влюбленность главного героя в Рею способствует его знакомству с основами гностического учения. Их первое свидание происходит в танатологическом топосе, на Аппиевой дороге – «царице дорог» (Стаций),

имевшей для Древнего Рима огромное культурное, торговое и военное значение. Вдоль нее было принято устраивать пышные захоронения, украшенные великолепными памятниками, и когда герой пришел в назначенное место, он увидел, что «с двух сторон, с великолепных древних гробниц, смотрели лики давно умерших мужей», напоминавшие о славном римском прошлом [6, с. 38]. В описании Реи автор указывает на присутствие в ее облике и поведении черт танатологического персонажа: «в темноте облеченная в свои белые одежды, она похожа была на призрак, вызванный некромантом из могилы» [6, с. 41]. Реа втягивает в поле смерти всех, кто ее окружает. Она пытается убедить героя, что в самом имени Децим, т.е. десятый, скрыто предзнаменование его трагической судьбы – он будет «убит, когда десятого постигнет казнь небесная» [6, с. 41]. В примечаниях к роману автор указывает, что имя героя Decimus содержит в себе «намек на обычай декумации, казни каждого десятого по счету из толпы или отряда» [6, с. 569]. И в конце концов это пророчество сбывается, но убитой будет сама героиня и те, кто последовал ее призывам и восстал против власти римского императора.

Точно так же с помощью намеков и совпадений героиня пытается убедить Юния Децима в том, что он должен примкнуть к членам одной из гностических сект, убежденных в скором наступлении конца света, так как именно он «призван уготовать пути тому, кто грядет» [6, с. 40]. Видимо, Юний не был знаком с учением гностиков, тем более, что в данном случае Реа опирается на апокалипсические пророчества Откровения Иоанна Богослова, ее речь напоминает центон, составленный из евангельских цитат. Сначала Юний полагает, что Реа – христианка, но вскоре понимает, что ее верования в значительной степени отличаются от догматов ортодоксального христианства. Сцена первого свидания Реи и Юния напоминает сцену искушения Змеем Адама и Евы. Брюсов настойчиво подчеркивает в образе героини черты, присущие змею-искусителю. Ее голос звучит для героя как шипение змеи, она одновременно отталкивает и притягивает Юния, который чувствует магическое воздействие героини. Она подчиняет его волю своей подобно тому, как «иные змеи околдовывают свою добычу взглядом» [6, с. 41]. Тем самым Реа для Юния выступает в образе змеи, посвящающей героя в основы гностической мудрости, которую она считает истинным знанием. Подобным образом София-Премудрость в облике Змея является первым людям и убеждает их вкушать плод познания, чтобы в дальнейшем они могли

воспользоваться полученным гнозисом и восстать против Демиурга. Лейтмотивом этого эпизода романа, содержащим одно из важнейших гностических положений, являются слова Реи: «Не было бы заслуг человека перед Богом, если бы Змей не соблазнил Еву» [6, с. 41]. Символом приобщения героя к священным тайнам гностиков становится пурпурный колобий – одеяние императора, за изготовление или хранение которого наказанием для героя могла быть смертная казнь. В качестве подтверждения этого Брюсов приводит свидетельство Аммиана Марцеллина, рассказавшего историю двух Аполлинариев (отца и сына) и диакона Мараса, приговоренных в 353 году к казни по обвинению «в причастности к темному делу о изготовлении в Тире пурпурного императорского облачения (*indumentum regale*)» [6, с. 560]. Как видим, это случилось незадолго до событий, описанных в «Алтаре Победы».

Во время обряда посвящения в офитскую секту, Реа и Децим оказываются в святилище, где было установлено медное изваяние: «Бронзовая Змея на алтаре словно выгибала и распрямляла свои кольца и все выше подымала свой плоский череп, с высунутым из пасти жалом. Два изумруда, вставленных в ее голову на месте глаз, зловеще сверкали при каждой вспышке огня» [6, с. 144]. Здесь, как бы в присутствии божества, верховный жрец Манагим излагает героям суть офитских верований: «Узнайте же, что не Единый сотворил сей мир. Сын предвечного Хаоса, Иалдабаод, создал солнце, луну и звезды, а духи планет, повинувшись ему, создали, по образу и подобию своему, человека, чтобы тешиться им, как игрушкой своей гордости. Тогда Сущий, по милосердию своему, вдохнул в человека дух божественный. В гневе Иалдабаод послал Омиоморфа, духа змеобразного, но не подлинного Змея, чтобы лукавыми речами воспретить людям вкушать от древа Познания. Но Верховная София, приняв свой истинный облик Змея, раскрыла коварство вечного Врага. Адам вкусил от запретного плода и, став мудрым, как боги, постиг в себе веянье духа божественного и бессмертного. Страхась с того часа своего собственного творения, изгнал Иалдабаод людей из кущей райских и вселил их на землю, низшее из небесных тел. И чтобы вернуть их к поклонению себе, он воздвиг среди людей Мессию, который должен был учить о величии и славе сына Хаоса. Однако не покинул благой Заступник человеческий род и на земле, но исполнил Мессию духом истины, так что стал он Христом, учителем правды. Телом распятый на кресте, духом вознесся Христос на небо и ныне ведет великую борьбу с злым демоном,

чтобы в конце времен лишить его владычества и посрамить вполне. Люди, сотворенные Иалдабаодом на погибель, должны через Христа найти путь последнего Познания и вернуться к слиянию с первым небесным Эолом, верховной Премудростью.<...> Змею и Христу поклонимся, братья, ибо через них явилась нам предвечная София» [6, с. 145].

Учение офитов, как его характеризует сам автор романа, представляет собой причудливую смесь гностических представлений о Плероме и зонах, христианских апокалиптических пророчеств, изложенных в заключительной части Нового Завета, и откровений Гермеса Трисмегиста [6]. Добавим, что в библейской литературе, например, у Исаяи и других пророков, постоянно присутствует мотив конца земного мира. В некоторые периоды истории, которые принято считать пограничными или переходными, эсхатологические ожидания усиливаются, как это было в первые века христианства в Западной Европе и в России рубежа XIX-XX веков. На заре христианства обещания апостолов о скором приходе Мессии и наступлении Царствия Божия зачастую воспринимались буквально. Именно такой пророчицей конца истории человечества и вообразила себя героиня «Алтаря Победы» Реа. На первом свидании она сообщает Дециму, что «Жених грядет и скоро ударит в ворота. Горе, кого Он застанет спящим» [6, с. 41]. Ее слова являются аллюзией на начальные строки тропаря, который поется в начале утрени в первые три дня Страстной седмицы: «Се Жених грядет в полунощи, и блажен раб, егоже обрящет бдяща...». В образе Реа Брюсов воплотил фанатичку, уверенную в истинности своих видений. В соответствии с гностическим учением, она убеждена в том, что «не может Добро прийти в мир иначе, как через Зло» [6, с. 41], поэтому в роли Мессии должен выступить не кто иной, как Антихрист. Поэтому литания, на которой присутствуют Реа и Юний, напоминает служение сатане, так как приверженцы гностической секты убеждены в том, что таким образом приносят себя в жертву ради спасения всего человечества. Как отмечал Е.Н. Трубецкой, «зло, достигшее крайнего своего напряжения, должно быть кошунственной пародией на самое дорогое, святое и возвышенное, что есть в мире» [25, с. 277]. Такой же пародией является и оргия, завершающая литанию. Она напоминает хлыстовские радения, описанные А. Белым в повести «Серебряный голубь». Аморальное поведение гностиков соответствует их учению: «Дай нам быть грешными, впасть в скверну, лгать и злодействовать, убивать богохульствовать, погубить души наши!» – такой призыв звучит в конце лита-

нии, после которого присутствующие, говоря словами автора, «вступают в брачный союз» [6, с. 75-76]. Эта сцена в романе не противоречит упрекам гностиков в либертинизме, в котором были убеждены как ересиологи, так и некоторые современные ученые. Так, «Епифаний прямо приписывает Василиду проповедь разврата» [23, с. 355], «Ириной (I 13) пишет об аморальном поведении другого известного гностика – Марка» [16], а А.Ф. Лосев считал, что либертинизм является «чудовищным символом всей античной философско-эстетической гибели» [16].

Офиты в «Алтаря Победы» буквально следуют заветам апостола Павла, слова которого из Послания к Римлянам цитирует Реа: «я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти» [6, с. 74]. Героиня проводит параллель между жертвой Христа, распятого во искупление грехов всего человечества, и предназначением гностиков: «Кто Сына своего единственного не пощадил, но предал за людей на муку, не властен ли нас, сынов своих, послать на погибель за других?» [6, с. 74]. Сходство между образами Реа и Ренаты из «Огненного ангела» уже отмечалось учеными (М. Гаспаров). В данном случае Реа находится во власти своих видений, ей кажется, что по велению Духа Божьего члены секты «предустановлены на то, чтобы послужить Царю Погибели и уготовать ему путь» [6, с. 73], и, таким образом, впадение в грех есть необходимый этап на пути спасения души. Подобная идея перекликается с мыслью, высказанной Вл. Соловьевым в трактате «София»: «космическая вражда должна повториться в человеческом мире» [21, с. 481]. О предшествующем Царству Христову появлении монархии антихриста как о последнем этапе исторического пути, его эсхатологическом завершении идет речь и в «Краткой повести об антихристе» [22]. В романе Брюсова эсхатологические настроения рубежа XIX-XX веков, которыми были охвачены многие современники писателя, глубоко переживавшиеся Соловьевым и его последователями «в виде пришествия Антихриста» [17, с. 404], спроецированы на подобные же события, происходившие в конце IV века н.э. Описание антихриста, каким его видит Реа, имеет сходство с огненным ангелом, являющимся к Ренате: «Юноша, с лицом ангела, нас встречает; волосы у него, как разметавшееся пламя, уста, как кровавая рана, взор благостный, как у агнца» [6, с. 74]. Увы, Реа, как и Рената, начинает понимать, что заблуждалась, только перед смертью.

Противостояние гностиков и христиан в романе заканчивается победой последних. Юний Децим вынужден признать превосход-

ство христианства над гностицизмом и язычеством. Герой Брюсова выражает убеждение автора романа в том, что необходимо принять новое религиозное учение, так как именно христианство стало духовным и идеологическим основанием грядущей эпохи. Такова мировоззренческая позиция автора «Алтаря Победы», который в 1918 году написал такие строки: «Мне Гёте – близкий, друг – Вергилий, Верхарну я дарю любовь... Но ввысь всходил не без усилий – тот, в жилах чьих мужичья кровь» [5, с. 373]. Гибель старой культуры неизбежна, поэтому Брюсов видит задачу русской интеллигенции в том, чтобы сохранить лучшие достижения ушедших культур и свести к минимуму потери, сопровождающие переход от одного культурно-исторического периода к другому.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамович С.Д. Богоборчество как сквозной мотив творчества В. Брюсова / С.Д. Абрамович // Брюсовские чтения 1996. – Ереван : Лингва, 2001. – С.45–53.
2. Ашукин Н.С., Щербаков Р.Л. Брюсов / Н.С. Ашукин, Р.Л. Щербаков. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 689 с.
3. Блаватская Е.П. Теософский словарь [Электронный ресурс] / Е.П. Блаватская. – Режим доступа : <http://www.myshambhala.com/obitel/comments/ofity.html>
4. Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. Исследования и материалы. – М. : Новое литературное обозрение, 1999. – 560 с.
5. Брюсов В.Я. Собр. соч. В 7 т. / Валерий Брюсов. – М. : Худож. лит., 1974. – Т. 3. – 696 с.
6. Брюсов В.Я. Собр. соч. В 7 т. / Валерий Брюсов. – М. : Худож. лит., 1975. – Т. 5. – 672 с.
7. Брюсов В. Владимир Соловьев. Смысл его поэзии / Валерий Брюсов // Брюсов В.Я. Собр. соч. В 7 т. – М. : Худож. лит., 1975. – Т. 6. – С. 218–230.
8. Вайскопф М.Я. Сюжет Гоголя. Морфология, идеология, контекст / М.Я. Вайскопф. – М. : РГГУ, 2002. – 590 с.
9. Гаспаров М.Л. Брюсов и античность / М.Л. Гаспаров // Брюсов В. Собр. соч. В 7-ми томах. – М. : Худож. лит., 1975. – С. 543–556.
10. Гиппиус-Мережковская З.Н. Дмитрий Мережковский / З.Н. Гиппиус-Мережковская. – Париж : YMKA-PRESS, 1951 – 308 с.
11. Гречишкин С.С., Лавров А.В. Биографические источники романа Брюсова «Огненный ангел» / С.С. Гречишкин, А.В. Лавров // Гречишкин С. С., Лавров А.В. Символисты вблизи: статьи и публикации. – СПб.: Издательство «Скифия», ИД «ТАЛАС», 2004. – С.6–62.
12. Евлампиев И.И. Взаимодействие герметизма и гностицизма в российской культуре / И.И.Евлампиев // Пути Гермеса. Материалы Международного симпозиума 14 февраля 2008 года. – М.: Центр книги ВГБИЛ, 2009. – С. 78–107.
13. Евлампиев И.И. Гностическая мировоззренческая парадигма и ее преломление в русской философии конца XIX – начала XX века / И.И. Евлампиев // Россия и гнозис : Материалы конференции, 22-23 марта 2000 г. – М.: Рудомино, 2001. – С. 97.
14. Иринеи Лионский. Пять книг против ересей / Иринеи Лионский ; [Пер. П. Преображенского]. – М.: Унив. тип. (Катков и Ко), 1868. – 751 с.
15. Козырев А.П. Парадоксы незавершенного трактата: к публикации перевода французской рукописи В. Соловьева «София» // Логос. – 1992. – № 2. [Электронный ресурс] / А.П. Козырев. – Режим доступа: <http://krotov.info/history/19/1870/1878kozy.html>
16. Лосев А.Ф. История античной философии в конспективном изложении // [Электронный ресурс] / А.Ф. Лосев. – Режим доступа : <http://lib.ru/FILOSOF/LOSEW/antic.txt>
17. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время / А.Ф. Лосев. – М. : Молодая гвардия, 2009. – 916 с.
18. Малеин А.В. В.Я. Брюсов и античный мир / А.В. Малеин // Известия Ленинградского государственного университета. – Т. II. – Л., 1930. – С. 186–193.
19. Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. – М. : Республика. 1995. // [Электронный ресурс] / К.В. Мочульский. – Режим доступа: http://krotov.info/library/18_s/solovyov/mochul_01.html
20. Соловьев Вл. Офиты / Вл. Соловьев // Энциклопедический словарь / Под ред. Брокгауза и Ефрона. В 86 томах. – Т. XXII-а. – С.-Петербург, 1897. – С.485.
21. Соловьёв В.С. София / В.С. Соловьёв // Козырев А.И. Соловьёв и гностики. – М. : Изд-во Савин С.А., 2007. – 544 с.
22. Соловьёв В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории / В.С. Соловьёв // Соловьёв В.С. Сочинения. В 2 т. – М. : Мысль, 1988. –Т. 2. – С.635–762.
23. Поснов М. Э. Гностицизм II века и победа христианской церкви над ним /

М.Э. Поснов. – Брюссель : Изд-во "Жизнь с Богом", 1917. – 825 с.

24. Родин Е.В. Основатели масонско-гностической традиции в России [Электронный ресурс] / Е.В. Родин. – Режим доступа: <http://gnosticism.com/articles/mason.htm>

25. Трубецкой Е.Н. Мирозерцание. Вл. С. Соловьёва. Т.2. / Е.Н. Трубецкой. – Москва : Товарищество тип. А.И. Мамонтова, 1913. – 415 с.

26. Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний

символизм / Аге Ханзен-Леве. – СПб. : «Академический проект», 1999. – 512 с.

27. Хачатрян Н.М. Кризис античности в романах Брюсова «Алтарь Победы» и «Юпитер Поверженный» / Н.М. Хачатрян // Брюсовские чтения 2002 года. – Ереван : Лингва, 2004. – С.89–96.

28. Эллис (Кобылинский Л.Л.) Неизданное и несобранное / Эллис; Сост., подг. текста, библиогр. А.В. Лаврова, Г.В. Нефедьева, С.Н. Мироненко. – Томск : Водолей, 2000. – 480 с.

УДК 821.161.1–34 Газданов.09

Е.А. Маханьков

МАЛАЯ ПРОЗА Г. ГАЗДАНОВА КАК ОБЪЕКТ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Є. А. МАХАНЬКОВ. МАЛА ПРОЗА Г. ГАЗДАНОВА ЯК ОБ'ЄКТ ЛІТЕРАТУРОЗНАВЧИХ ДОСЛІДЖЕНЬ: ДЕЯКІ ПІДСУМКИ ТА ПЕРСПЕКТИВИ.

Статтю присвячено узагальненню результатів наукової рецепції малої прози Г. Газданова. Виділено сутнісні характеристики, властиві як великій, так і малій прозі письменника: автобіографічність творчості та екзистенціалістський тип художньої свідомості автора. Представлено основні наукові підсумки монографічних досліджень Л. Дієнєша, С. Кабалоті, О. Проскуріної, присвячених прозі Г. Газданова; підкреслено єдність думок учених стосовно мотивно-тематичної організації всього корпусу художніх текстів письменника. Встановлено переважну увагу літературознавців до наскрізних мотивів та основних тем творчості Г. Газданова. У роботі виділено як найбільш репродуковані мотиви життя і смерті, вибору, перетворення, польоту, пам'яті, двійництва, удаваності земного існування. Висунуто гіпотезу щодо високої продуктивності розгляду мотивів малої прози письменника, узятих не окремо, а в комплексах, виділених за функціональною, семантичною, прагматичною та іншими ознаками. Актуалізовано проблему циклізації газдановських текстів, намічено перспективу їхнього осмислення як метатекстуального цілого. У статті представлено шляхи дослідження малої прози Г. Газданова в посткласичному літературному контексті.

Ключові слова: Гайто Газданов, мала проза, мотив, тема, мотивний комплекс, динамічна цілісність.

Е. А. МАХАНЬКОВ. МАЛАЯ ПРОЗА Г. ГАЗДАНОВА КАК ОБЪЕКТ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ.

Статья посвящена обобщению результатов научной рецепции малой прозы Г. Газданова. Выделены существенные характеристики, свойственные как крупной, так и малой прозе писателя: автобиографичность творчества и экзистенциалистский тип художественного сознания автора. Представлены основные научные итоги монографических исследований Л. Диенеша, С. Кабалоти, Е. Проскуриной, посвященных прозе Г. Газданова; подчеркнута единство мнений ученых относительно мотивно-тематической организации всего корпуса художественных текстов писателя. Установлено преимущественное внимание литературоведов к сквозным мотивам и основным темам творчества Г. Газданова. В работе обозначены как наиболее репродуцируемые мотивы жизни и смерти, выбора, превращения, полета, памяти, двойничества, мнимости земного существования. Выдвинута гипотеза о продуктивности рассмотрения мотивов малой прозы писателя,